

У Микадо Мутсу-Хито

В те годы в Японии царствовал их великий император, реформатор страны на европейский манер, Микадо Мутсу-Хито, который был великим уже и до победы над Российской Империей и белой расой.

Мы все знали это и , естественно, визит нашего адмирала к сыну солнца, или луны, нас очень интересовал.

Член и гость нашей кают-компании, милейший А.А. Бунге, флагманский доктор, бывший на приеме с адмиралом, рассказал нам все. С адмиралом Старком представлялось около десяти человек. Все было по-европейски и по шаблону, за исключением одного, тогда нам казавшимся странным, а теперь мне кажущегося смешным.

Когда представления и речи закончились, по церемониалу двора Восходящего Солнца, никто не смел показывать Его Величеству Микадо своей спины и своих пяток. Поэтому оба адмирала, командиры и штабные специалисты, все люди от 40 и за 50 лет, пятились медленно задом по ковру, опустив головы в сторону Императора, пока не скрылись за дверью.

На вокзале

Одна особенность японской жизни того времени врезалась в мою память. Когда поезд остановился на вокзале Токио и сотни пассажиров высыпали из вагонов на перрон вокзала, началась необычайная трескотня тысяч деревянных японских сапог о цементные площадки вокзала. Эта непривычная для европейского уха музыка поразила не одного меня. Я не забыл её до сих пор и нигде и никогда ничего подобного больше не слышал.

Все японцы в те времена, за исключением военнослужащих и полицейских, были в своей национальной одежде, и лишь редкие прохожие попадались в европейских шляпах. Обувь же у всех была деревянной с цельной, общей с каблуком, несгибающейся деревянной подошвой.

Внешний вид Токио и Иокогамы

В то время число жителей Токио исчислялось в два-три миллиона. Между тем, все дома были деревянные с рамами, заклеенными бумагой вместо стекол. Все дома были на один лад: в три этажа, в нижнем - лавка, офис или гостиная, а выше – жилые комнаты. Ни одного частного дома, построенного из камня, мы не видели в Токио.

Только дворец императора и несколько министерств были из красного кирпича и столь тоскливой архитектуры, что напоминали плохие Петербургские казармы.

Дворец Императора был обнесен земляным валом, обросшим дерном, из-за которого торчали верхние этажи красных казарм, именовавшихся дворцом Его Величества.

В Иокогаме, особенно в портовой полосе, было довольно много европейских построек.

V. В СВОИХ ВОДАХ

По возвращении «Пересвета» в свои воды, началась еще более интенсивная подготовка корабля к боевым функциям. Самыми интересными были стрельбы в открытом море на большом ходу по подвижным и неподвижным щитам.

Стрельба на контр-галсе

Эти стрельбы производились и на контр-галсе. Два корабля, идущие параллельно, но в обратных направлениях буксировали огромные плавучие щиты на очень длинных тросах и при встрече каждый старался разнести щит противника.

Конечно стреляли настоящими разрывными снарядами. На контр-галсе стреляли из сравнительно мелких орудий, например, 75 мм пушек Кане. Помню одну из таких стрельб, произведенную почти в полутьме на утренней заре. Расстояние между судами, стрелявшими друг в друга, было небольшим, около пяти кабельтовых, то есть около полуверсты. Подобная стрельба на большом расстоянии представляла бы опасность попасть вместо буксируемого щита в буксирующий его корабль.

В одну из таких стрельб я тоже разнес из 75-миллиметровой пушки щит, который буксировал крейсер «Варяг».

Опыт войны показал, что никакого практического значения стрельба на столь близкой дистанции не имела, ибо в море никогда противники так не сближаются.

Стрельба башенных орудий

Самой интересной была стрельба из башенных 12-дюймовых орудий, каждый снаряд которых весил по 25 пудов.

Перед такой стрельбой снимали со стен все зеркала, перекладывая их тюфяками, в кают-компании и у командира снимали все люстры, прятали бьющую посуду.

Звуки выстрелов для людей, находившихся в закрытых помещениях корабля с металлическими стенами, потолками и полами, были нестерпимыми. Человеческое ухо почти не могло их переносить. Очень часто с залпом из башни с шумом распахивались, как форточки, тяжелые стальные двери, задранные специальными запорами.

Боевые операционные

На каждом большом броненосце были устроены и боевые операционные, оборудованные всеми необходимыми хирургическими приборами, которым мог бы позавидовать самый фешенебельный хирургический госпиталь. Прекрасные люстры, стерилизаторы и различные электрические и прочие аппараты были прикреплены к стальным стенам операционной. После двух-трех залпов из башен это замечательное оборудование срывалось или расшатывалось, стеклянная часть сыпалась на пол в виде осколков. Блестящая эмалевая белая краска сыпалась на операционный стол.

На этой боевой стрельбе мы, врачи, впервые убедились, что блестящее оборудование операционной совершенно бесполезно во время морского боя. Я же лично – новичок в этом деле, впервые заинтересовался боевой стороной медицинского дела во флоте. В дальнейшей моей службе я посвятил много труда этого сорта вопросам, и в свое время считался специалистом этого дела.

Пасха на корабле

Кончалась страстная неделя. Ипполит Васильевич Ромашев старался удивить всех пасхальным столом.

Около полуночи началась на корабле пасхальная заутреня. Палуба была убрана флагами.

Не желая ставить себя в ложное положение при религиозных обрядах, я, как караим, то есть иноверец, решил не ходить в кают-компанию на разговление и около полуночи пошел в каюту и лег спать.

На всех службах в царские дни я, как и все другие, бывал на молебнах в парадной форме, но ко кресту, конечно, не подходил. За столом в кают-компании я сидел рядом со священником, отцом Вениамином. Он знал, как и все на корабле, что я караим. Мы были в прекрасных отношениях со скромным, тихим и добрым иеромонахом. Пасха сопровождается сложными религиозными обрядами, а я не знал, как себя вести в религиозных обрядах вне царских дней. По воскресеньям я на богослужения не ходил, но не ходили и другие, особенно немцы-лютеране. Обычно у обедни бывало не больше половины офицеров, хотя службы были короткие.

Вдруг около часу ночи, будит меня вестовой, широко улыбается и говорит:

«Старший офицер и кают-компания просят Вас к столу.»

Я быстро умылся, оделся в мундир, опоясался саблей, взял в руки треуголку и пошел.

Только я приоткрыл дверь в кают-компанию, как вдруг все обернулись ко мне и дружеским криком: «А-а-а!» приветствовали меня.

«Христос Воскресе!» - потянулся ко мне старший офицер, а за ним и вся кают-компания.

Со всеми я облобызался, а мои соседи по столу и батя начали меня подчивать.

Всегда хорошие отношения с моими сослуживцами и начальниками после этого дня стали ещё более дружескими и сердечными. Я никогда не выдавал себя за православного или христианина, но уважал чужое и за это уважали. На флоте же было немало крещеных евреев и в среде флотских офицеров и командиров судов. Хотя все знали об этом, но отношение к ним было совершенно равное, и они вели себя во всех отношениях равно с другими.

В кают-компании, как я говорил, нельзя было говорить о религии. Это вошло в привычку.

Как караим, я чту учение Христа не менее христиан, но не вхожу в вопрос о божественности происхождения. Но я, как и другие на корабле, не говорил никогда о религии.

Званый обед на «Пересвете»

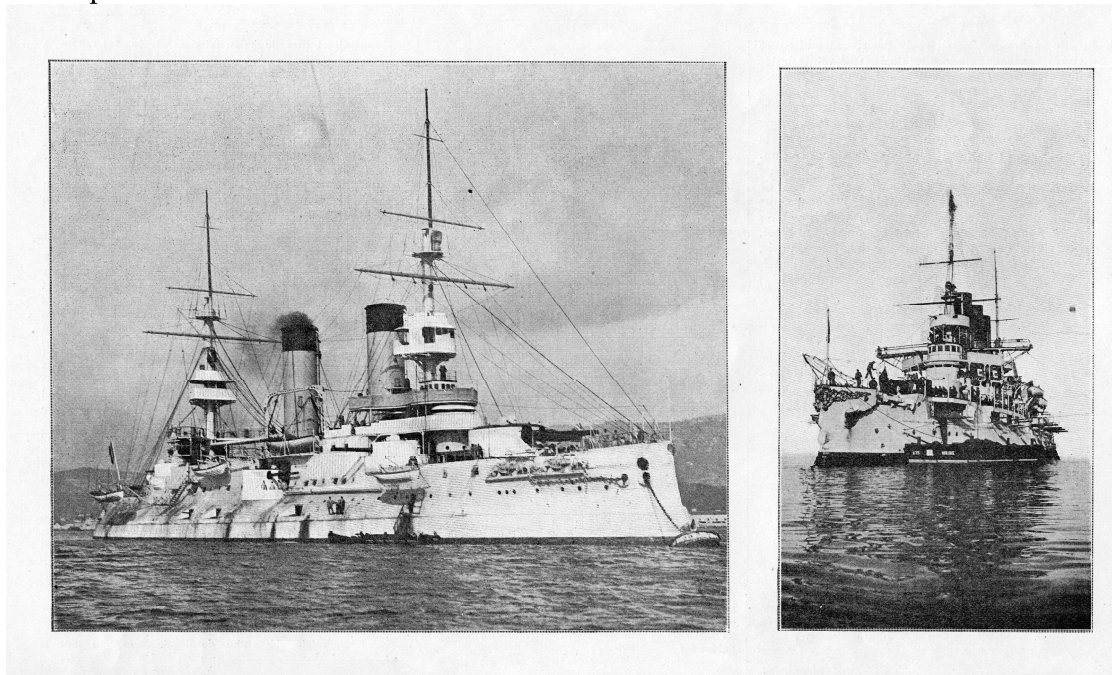
Осенью 1903 года пришли из России два новых броненосца: «Ретвизан» и «Цесаревич», обогнув всю Европу и Азию. Наша кают-компания устроила для них званый обед. Явилось человек тридцать. В большой кают-компании был накрыт второй новый большой стол, соединенный со старым столом.

Кают-компания у нас была обширная. По правому борту стоял длинный обеденный стол, с левого борта гостиная, где стояли мягкие кресла, столики для курения и кофе и игры в шахматы, шашки и хальм. Игра в карты и вообще всякие игры на деньги строго запрещались.

Тут же стояло прекрасное пианино, на котором можно было играть и механическим образом, с помощью разрезных нот.

Закусочные столы стояли под углом к большому столу.

Званный обед прошел очень весело. Все прибывшие были старыми знакомыми, соплавателями по прежним плаваниям, потому что служба морского офицера заставляет его часто менять корабли, поэтому хозяева кают-компании были знакомы со всеми приглашенными. Когда блестящий обед подходил к концу, подали сладкое и стали разносить шампанское.

«Цесаревич» и «Ретвизан»

«Чарочка моя»

В нашей кают-компании была прекрасная серебряная братина художественной работы московского ювелира Хлебникова. Специалисты по части питей, уже бывшие в хорошем и приподнятом настроении, захотели сердечнее принять своих старых товарищей по школе, по прежней службе и дальним плаваниям. Они достали эту братину и установили на середине стола. Затем влили в нее необходимое спиртное, поставили в неё вершину головы сахара, облили её тоже ромом и коньяком и подожгли. Синие языки спиртового пламени стали лизать воздух. Притушили огни. Картина приняла феерически-таинственный характер средневековой алхимической мистерии.

Жженка скоро была готова

Общий любимец кают-компании и один из наиболее пожилых её членов, - Ипполит Васильевич Ромашев наполнил жженкой большой серебряный кубок, поставил на блюдо от этой чаши и громко на всю кают-компанию, перебивая общий шумный говор, затянул традиционную :

«Чарочка моя, серебряная, на золотом блюде поставленная.

- Кому чару пить, кому выпивать?».

Хором вопросительно поддержали старшего врача стоявшие около него наши офицеры. Особенную солидность аккордам этой зажигательной песни придавал басистый припев отца Вениамина, судового священника.

Ипполит Васильевич обвел глазами гостей и сделал несколько шагов в сторону солидного капитана 2-го ранга, старшего офицера одного из прибывших из России броненосцев, и, поклонившись ему в пояс, продолжал:

« Свету Ивану Ивановичу!

- На здоровье, на здоровье,

Чару выпивать, здраву пребывать!», затянули все общим хором, обращая взоры в сторону Ивана Ивановича. Затем Ипполит Васильевич и его хор, склонив низко головы в сторону Ивана Ивановича, продолжали хором :

«- Что не лес, не трава расстилаются,

- Наши буйны головки преклоняются!».

Иван Иванович смутился, стал что-то невнятно бормотать и видя неизбежность горькой чаши, поднес её к своим губам.

«Пей до дна, пей до дна», - быстро скандируя, хором и в такт поощряли хозяева.

Иван Иванович сделал передышку.

«Пей до дна, пей до дна!» - настаивала вся наша гостеприимная кают-компания до тех пор, пока чаша не была опустошена.

Импровизированный хор потянулся в другую сторону, к следующему дорогому гостю.

Так обошли чарой почти всех наших гостей-соплавателей, будущих наших соратников.

Манильская сигара

Гости поднесли нашей кают-компании несколько ящиков прекрасных манильских сигар. Коробки пошли по рукам. Каждый курящий (курили почти все) брал, срезал осторожно кончик и затягивался.

Я, никогда не куривший сигар, а только папиросы, тоже закурил громадную сигару, длинную, толстую, конец которой мне надрезали опытные люди.

После прекраснейшего обеда, который нам устроил старший врач Ипполит Васильевич Ромашов, манильские сигары, только что прибывшие с самой Манилы, показались мне божественным фимиамом.

Бесконечные тосты, речи и шутки, вызывавшие общий смех веселой компании, затянули обед на два-три часа. Моя сигара кончилась, я был на седьмом небе, не столько от обеда и шампанского, сколько от опьянившей меня чудесной сигары.

Один из любезных гостей, сидевший рядом со мной, после моих похвал их душистому подарку, предложил мне вторую. Я с удовольствием и легкомыслием потянулся за второй сигарой и выпустил новые клубы ароматного дыма.

Столовая кают-компания наполнилась фимиамом Манилы.

Опьянение табаком

Через 5-10 минут медленного курения, я почувствовал, что мысли мои как-то необычайно быстро бегут. Один фантастический проект за другим возникал в моей голове.

Я излагаю их моим подвыпившим соседям, набравшись несвойственной мне развязностью.

Потом вдруг мне стало как-то не по себе. Во рту появился отвратительный табачный вкус, как будто я не курил, а ел табак, закружилась голова, стало пошатывать

и, опасаясь скандальных последствий, я вышел из-за стола, направляясь к своей каюте, третьей слева у борта. По коридору я шел уже пошатываясь и придерживаясь за стенки.

Как только я лег на койку, ко всем этим явлениям тошноты, противному табачному вкусу во рту, непрерывному течению сумбурных мыслей, крайне усилившимся, присоединилась головная боль и сердцебиение. Затем последовали форменные кошмары. Я почти терял сознание.

Позвонил и попросил позвать ко мне старшего врача Ипполита Васильевича. Все были навеселе. Он насмешливо отнесся к моему состоянию и ушел.

В таком полубреду, полукошмаре я провел почти всю ночь.

К утру явления ослабели, но с этого дня у меня страх и отвращение перед сигарами. Я их никогда больше не курил. Теперь я уже давно не курю и папирос, так как, перекурив французского табаку, однажды упал в обморок.

Бал у наместника

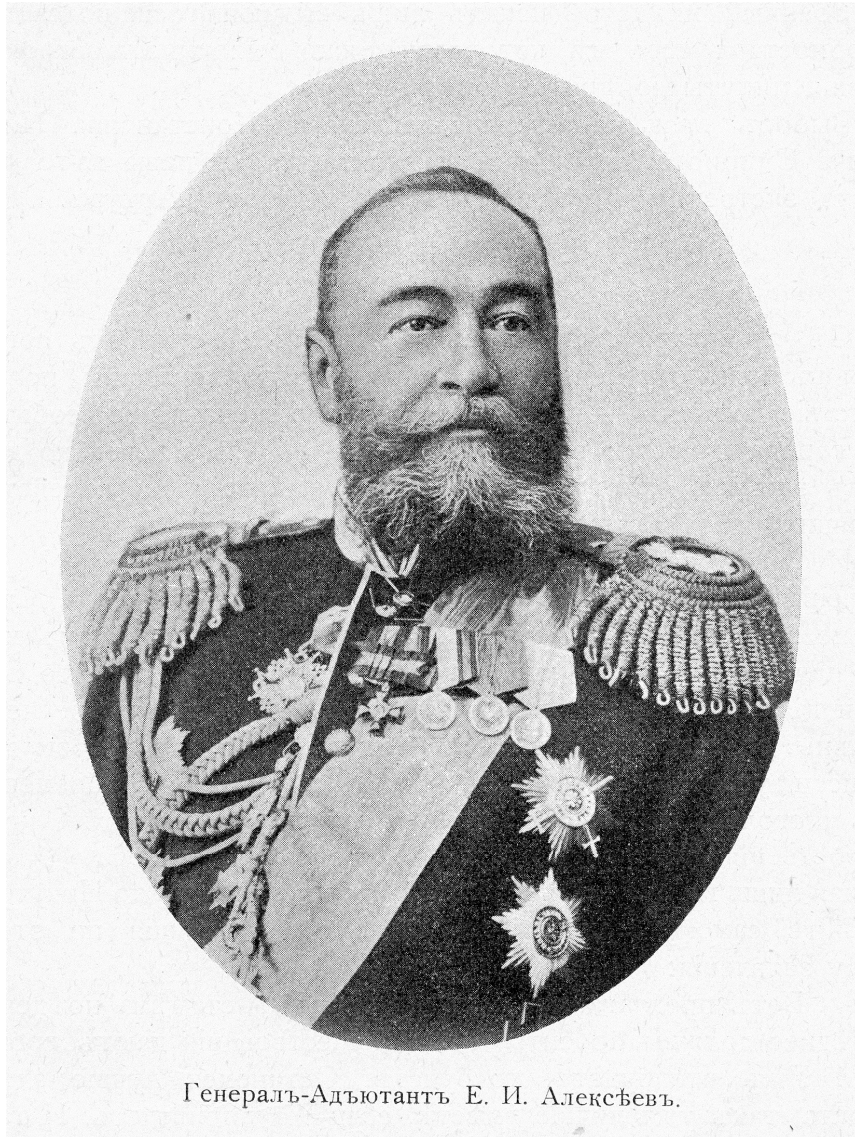
Осенью 1903 года наместник устроил в своем дворце бал для всех, ныне обширных, кругов нового наместничества. От нашей кают-компании, как и от всех других судов эскадры, стоявших на внешнем рейде, было послано на бал по три молодых офицера. В числе этой тройки был и я.

Погода была очень плохая : в море большое волнение. Мы едва сели в поданный нам паровой катер с надветренного борта. Катер то подбрасывало выше нижней площадки трапа, и площадку тогда захлестывала волна; то, наоборот, катер бросало вниз, и он рисковал ущемиться под площадкой трапа и либо опрокинуться, либо зачерпнуть воды. Мы же рисковали выкупаться до колен в своих бальных ботинках. Только ловкость бравого старшины спасла наши бальные брюки и сапоги. Наконец мы отвалили и отправились в гавань. Катер бросало по волнам и пока мы шли на нас все время брызгало. Несмотря на накидки, наши белые воротнички и манжеты пострадали . Мы прибыли в темноте к берегу.

Наместник жил в большом доме китайского крупного начальника, стоявшего посреди большого двора. По-видимому, этот дом был построен в европейском стиле, но скорее напоминал казармы. Залы были прекрасно освещены, мы застали уже большое общество; играла музыка; были накрыты закусочные столы; вскоре начались танцы.

Когда мы толпились в одной из комнат, где был закусочный стол с разными сладостями, проходил наместник, ласково улыбаясь и здороваясь с некоторыми из публики. Он был довольно большого роста, сидящий, с несколько выпученными глазами с масляным блеском, чуть-чуть походил на Александра II, но имел в лице армянский отпечаток. В толпе офицеров наместник заметил меня, подошел как к своему старому придворному и сам подвел меня к столу.

На балу было очень много новых для Порт-Артура лиц, кроме офицеров армии и флота и наличной местной гражданской администрации, и торгово-промышленных иностранцев. Этой осенью было много съехавшихся чиновников и общественных деятелей со всех губерний Дальнего Востока. Вся эта публика дополняла обычно военно-морское общество Квантунской области.

Генераль-Адъютантъ Е. И. Алексѣевъ.

Активность Наместника

Здесь нужно заметить, что темп активности Вице-короля Дальнего Востока , как называли адмирала Алексева , был солидный, размах был широкий..

Величие, с которым шествовал по залам дворца Наместник, окруженный своими сотрудниками, соответствовало и масштабу начатого им дела.

За короткое время прошли один за другим съезды : сначала русских послов в Китае, в Японии и в Корее, отныне подчинявшихся непосредственно Наместнику, затем съезд по народному просвещению, по вопросам торговли и промышленности и т.д.

Ежедневно в Порт-Артур приходило не менее десяти иностранных кораблей с грузами и пассажирами, главным образом, китайскими рабочими, подвозимыми из Южного Китая. Флагманский доктор эскадры иногда назначал и меня для кратковременного несения обязанностей на брандвахтенном судне, стоящем у входа в гавань. Врач и один из флотских офицеров выходил навстречу каждому иностранному пароходу, который впускался в гавань только после осмотра. Врач исполнял обязанности карантинного врача, а офицер проверял и регистрировал судовые документы.

Поэтому я точно знаю, что ежедневно в порт приходило из-за границы до десятка пароходов.

Рост нового города

Если вспомнить, что в это время, как из земли в Артуре вырастал новый город, что улицы уже были не только разбиты, но уже и шосированы, что сотнями строились новые дома, где десятки тысяч китайских кули складывали кирпичные новые здания, производили земляные работы, станет ясным, что «по-американски» создавалась не только резиденция нового Вице-короля русского наместничества, но и новая столица русского Дальнего Востока.

Ожидалось, что через год, самое позднее, половина задуманного нового города будет закончена и станет обитаема.

Строились дома и для средне-учебных заведений.

Многие офицеры и чиновники купили себе участки, с торгов продававшиеся новым городским управлением.

В городе издавалась своя ежедневная газета «Новый край». Выпускал её подполковник, юрист и моряк, Артемьев.

Все это было создано Наместником и моряками, людьми столичными, бывалыми и с широким размахом.

Городской голова новой столицы, подполковник (сухопутной артиллерии) Вершинин был на высоте своей миссии устроителя-создателя нового края. Разумный, деликатный, общительный, терпимый, он был уважаем и русскими, и иностранцами, и китайцами, к которым относился равно.

Выбор наместника был удачным.

Мой участок земли в новом Порт-Артуре

Вся территория нового города, разбитого по плану, была уже распродана с торгов. Заботились о пригородах.

Я тоже купил себе участок земли в новом городе, совместно со своим соплавателем по «Забияке» и другом, лейтенантом Модестом Васильевичем Ивановым.

Кавалькады на конях

У морских офицеров того времени любимым удовольствием при спуске на берег была верховая езда. Устраивали кавалькады и совершали прогулки за город в сторону Голубиной бухты, где помещался питомник декоративных деревьев, устроенный новым городским управлением.

Инициаторами этих кавалерийских опытов обычно у нас на «Пересвете» были братья Черкасовы, лейтенант Василий Нилович и мичман Петр Нилович. Оба – изящные молодые люди. Ездоками все были плохими. Лошадей брали на прокат у частного предпринимателя. Скакали всеми аллюрами, пока брюки не закатывались до колен, обнаруживая белые кальсоны. Ни у кого почти тогда не было высоких сапог. Кавалерийских частей в Порт-Артуре не было, кроме сотни Забайкальских казаков.

Наша морская кавалерийская удаль не резала глаза.

Я тоже почти всегда принимал участие в этих скачках и пикниках.